

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Марта 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11962.

ЯСНОЕ НЕБО.

День былъ необыкновенный. Солнечно, но прохладно, и этотъ холодокъ—крѣпкий, особенный, вкусный. Кажется, потому и небо стаю такимъ кристально яснымъ, и самая земля,—все, что видѣли глаза —напиталось очаровательно—яснымъ небомъ.

Уже утромъ я почувствовалъ, что съ меня будто падаетъ какая то зимняя шкурка; весь дѣлаешься легкимъ, яснымъ, праздничнымъ.

Обшарилъ всю душу и не нашелъ ни одной вчерашней мысли, ни одной печали, ни одной заботы.

Посмотрѣлъ на себя въ зеркало,—нѣть хмурыхъ бровей, и глаза блестятъ. И вотъ, еще смотря въ зеркало, я рѣшилъ, что порывисто и не жданно: „Къ чорту гордѣй. Отъѣлся его фокусами и культурой. Чемоданъ подъ мышку и въ имѣи. Немедленно“.

Черезъ полчаса я уже писать телеграмму моему управляющему,—„Ѣду“. И странно, когда писать, предъ моими глазами было совсѣмъ не лицо моего управляющаго,—бородатое, важное, пятидесятилетнѣе лицо. О, нѣтъ,—пругое!—Лицо Анели, его дочери. Отчего? Я этого совсѣмъ не зналъ, я обѣ этомъ даже не думалъ, и зачѣмъ думать, когда такъ радостно, когда душа подобна ясному небу, и въ ней, точно въ зеркальѣ, отражается чѣ-то очаровательный образъ?

Хорошо ли я обшаривалъ свою душу? Можетъ быть, въ ней что-нибудь таилось? Я громко расхохотался.

СУДЕБНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ СКАНДАЛЬ ВО ФРАНЦІИ.

Анри Рошеттъ,

извѣстный финансовый дѣлѣнъ, приговоренный за мошенничество къ 3-лѣтнему тюремному заключенію, но скрывавшійся въ Мексику. Въ давленіи на прокуратуру, въ интересахъ Рошетта обвиняются теперь Кайо и Монисъ.

Фредерикъ Мистраль,
извѣстный французскій поэтъ.
Сконч. 12-го марта, на 74 г. жизни.

Проф. И. А. Бодуэнъ-д'Куртенэ,
приговоренный по литературному дѣлу петербургской судебной палатой къ 2-хгодичному заключенію въ крѣпости.

Задребезжалъ телефонъ.
Allo! Это ты. Да, да, Ни-
зачто. Благодарю. Надоѣли
ваши ужинъ и бесѣды.
Почему? Догадайся.... О,
нѣтъ! Ёду въ имѣніе. Что?
Ты подозреваешь? Ну это
твое дѣло —подозрѣвай. Не
знаю. Можетъ быть, черезъ
мѣсяцъ, но, вѣроятно, за-
держусь, подумай, какъ
теперь тамъ хорошо!

Я снова разсмѣялся, но
почему? Право, не зналъ
причины, —это самый веселый, самыи настоящій смѣхъ.

Ме ентьевка находится
въ нѣсколькохъ верстахъ
отъ станицы и, когда подъ-
ѣжаешь къ ней на лоша-
дяхъ, то прежде всего изъ
за края парка выглядываетъ
нашъ миный старый
домъ у рѣки,—невысокий,
продолговатый, съ обшир-
ной колончатой террасой.
А дальше начинается широ-
кая деревенская уличка, съ
голубыми и бѣгими хатка-
ми, крытыми соломою —точ-
но въ золотыхъ шапкахъ.

Потомъ показывается за
хатками, у самаго лѣса,

приземистая деревянная церковка, синеглавая, вся какая-то давно знакомая, близкая, древняя, горячо любимая.

Тутъ свѣрачиваешь налево. Церковка прячется за деревьями, только поблескиваетъ синяя глава, и сразу выдвигается на первый планъ усадьба. Проѣхалъ бѣлыя каменные столбы, у вѣнца, —прямо предъ глазами терраса старого дома.

Все ловилъ я жаднымъ взглядомъ, было легко и радостно, впрочемъ, такъ всегда было въ поѣздкѣ два года, когда прѣѣжалъ въ Мелентьевку, самъ отъ себя скрывался, о радости своей боялся подумать.

Подѣхали. Сытая рыжая лошаденка остановилась и замерла, колыхая своими большими блестящими боками. Я прищурился. Кто это на террасѣ? Ну, конечно, старушка Александровна, Фяня и домоправительница. Полная, дородная, лицо въ морщинкахъ, но еще крѣпкая, безъ оховъ и вздоховъ. Иногда бывало, зацѣпить пѣнистую дѣвку, сгребеть,—такъ тѣй ужъ не выреаться.

А кто за нею? (Но почему я такъ угрыбаюсь?) Анеля,—моя лѣсная Анеля,—виденъ край зеленаго платья. „Вы уже зацвѣли, шучу я мысленно, вы уже зелененькая, влажная, весенняя и навѣроно пахнете фіатками“?

— Ане е еля! Кричу во все горло.

Въ отвѣтъ, словно звоночекъ:

— Я я!

Словно радостная волна всплеснулась. Соскочилъ съ линейки и прямо попалъ въ объятия Александровны.

— Родной ты мой, милый ты мой... конечно, прослезилась. Такъ ужъ пола-

Морисъ Бернаръ.

адвокатъ Рошетта. По его настоянию Кайо и Монисъ заставили прокурора Фабра отложить разсмотрѣніе въ судѣ дѣла Рошетта.

Отъ нашего парижскаго корреспондента.

Саландра,

глава нового кабинета въ Италии.
Отъ нашего корреспондента.

тается. Вѣдь, еще меня нянчила. Потомъ уѣзжать не захотѣла, такъ и осталась въ усадьбѣ, да и къ Анель привязалась.

Дѣвушка улыбается, — вѣдь, я ее совсѣмъ малечкой знала, — глазки блестятъ. Освободился, начо-нецъ, поцѣловалъ Анелю смущилась, вспыхнула. Вотъ какъ! Расцѣловалъ милая дѣвушкины руки. Вотъ какъ! Такая вдругъ радость наполнила сердце, что самъ готовъ былъ расплакаться.

— Что, Анеля, рада? Не ожидала такъ скороп.. Да не говори такъ тихо! Кричи, кричи!

Я самъ закричалъ, самъ расхочотался, все забылъ, схватилъ дѣвушку за талию и закрутилъ по террасѣ.

— Ого, не вырвешься!

Ген.-лейт. Н. Н. Янушкевичъ,
новый начальникъ генерального штаба.

А солнце пятнами скользило по Анелиному платью, дѣлало ее прозрачной и свѣтлой, точно весеннее гибкое дерево.

И тутъ же вспомнилось все дѣтское, все дорогое, смѣхъ, игры, прогулки днемъ, вечерніе страхи въ большихъ комнатахъ старого дома. Дѣтскіе поцѣлуи смѣнились крѣпкой дружбой, а потомъ все словно оборвалось. Какая то тайна установилась. Боялся ее тронуть. Вѣдь, совсѣмъ дѣтка. Ну, девятнадцать, не больше, а мнѣ... мнѣ то больше, все равно.

— Идемъ въ комнаты. Папка хлопочетъ, съ ногъ сбился...

— Ачелька, постой, надо Никитѣ на чай. Да не дергай за рукавъ.

— Хочу дергать. Смѣется.

— А, ты думаешь, я не хочу? — Возьмите, Никита. Оба хохочемъ и летимъ въ комнаты. Сзади Александровна что-то бормочетъ.

Бормочи, бормочи, знаю, что рада. Ты умная старуха, давно сообразила. Ого!

Въ столовой все блеститъ, все прибрано, даже мебель выглядитъ, какъ солдаты на смотрѣ. Дѣвка Парашка, уже босоногая, неуклюже поклонилась и нырнула въ уголъ, гдѣ кѣтка съ попугаемъ.

— Здравствуй. Попка дуракъ!

Федоръ Петровичъ, бородатый съ просѣдью, еще другъ моего отца,

Maestoso

Албанский национальный гимнъ.

видно на столѣ что-то послѣднее наложилъ. Пѣдбѣжалъ, — крѣпко поцѣловались. Славный онъ у меня, заботливый и ловкий, — въ три раза подчялъ доходность имѣнія.

— Пожалуйте въ вашу комнату. Все готово, а потомъ и завтракъ.

Умылся — вода холодновата, бrr... Хорошо! И за столъ.

— Анеля, садись рядомъ. Что это ты вилку не въ ту руку взяла? Федоръ Петровичъ, водки!

— Надолго пріѣхалъ?

— А ты какъ думаешь?

— Анеля, не мѣшай ему ъсть.

— Незамѣтно прошелъ день. (Въ паркѣ то успѣли побѣгать). Вечеромъ — знакомая угловая комната. Постель постлана, свѣча на тумбочкѣ, а рядомъ въ вазочкѣ кто-то поставилъ букетъ фіалокъ. Улыбнулся, раздѣлся мигомъ и бросился въ постель. Охватилъ бѣлый, ласковый, давній сонъ, и въ центрѣ сна на бѣлое, бѣлое кто-то разсыпалъ свѣжія фіалки.

Въ старомъ домѣ все весной пахнетъ. У Александровны видъ серьезный, точно у древней жрицы, — говоритъ, постить. Парашка мечется, какъ угорѣлая, поетъ,

Борьба противъ гомруля въ Ирландії.

Вожди движенія въ провинціи Ульстеръ: слѣва направо — лордъ Лондондерри, сэръ Эдвардъ Керзонъ, капитанъ Крэгъ.

Отъ нашего корреспондента.

несмотря на сердитые старухины окрики, и сразу понятно, что дѣвканосомъ весну почудила. А Федоръ Петровичъ, все на усадьбѣ, а какъ освободится отъ дала, забирается въ библиотеку. Съ другомъ своимъ, мельникомъ играетъ въ шахматы, меня сминалъ, но мнѣ не до шахматъ. Ого!

Стану я теперь сидѣть въ библиотекѣ.

Анелю все это счѣнь мало интересуетъ. Не хочетъ хозяйничать: «Ужъ ты, не сердись, Александровна» — Воструха, непосѣда. А мнѣ Анеля говоритъ:

А. И. фонъ-Гогенъ,
академикъ, архитекторъ Высочайшаго Двора, покончилъ самоубийствомъ 6-го марта.

Сузdalский монахъ Степанъ,
въ мірѣ казакъ Василій Подгорный,

известный основатель секты «подгорновцевъ» (въ Харьковской и Полтавской губ.) и стефановцевъ (въ Курской и Владимирской губ.). 17-го марта Подгорный скончался на 82-мъ году жизни въ сузdalскомъ монастырѣ, куда былъ сосланъ.

— Пойдемъ въ лѣсъ. Зазеленѣль.
— Ну, положимъ. Это тебѣ кажется.
— Ей Богу, зазеленѣль. Немножко, конечно.

Впрочемъ я вѣрю. Мнѣ самому кажется, что лѣсъ не толькo зазеленѣль, но весь розами покрылся.

— Скорѣй одѣтайся. Какъ ты возишься. Не нужно пальто.

— Идемъ идемъ.
Отправляемся, держимъ другъ друга за руку. Закуриль.

— Брось. Портишь, такъ хорошо землей пахнешь.

— Не хочу!
Сама схватила папиросу и бросила.

— Вѣсенъ. Чему ты смеешься?
— Да такъ.

— Хорошенько объясченіе.
— Просто весело. Какъ я тебѣ еще скажу?

— И мнѣ весело.
— Оттого, что къ намъ пріѣхалъ?

— Такъ я тебѣ и скажу. Скорая какая!

— Сама знаю. Вѣль, каждую недѣлю письма писать и гозорилъ:—«пріѣду, буду прыгать отъ радости».

— Ну да да. Лѣсъ, рѣка, солнце,— вотъ и радуюсь.

— Лѣсъ... Рѣка... Я обижусь. Только рѣка, а я?

— И ты. Ты въ самомъ центрѣ. И въ лѣсу, и въ рѣкѣ. Дѣвочка?

— Чрезвычайно.
— А кто мнѣ фіатки на тумбочку поставилъ?

— Вѣроятно, думаешь, что я? —
— Думаю.

— Ну, значитъ, я.
Звонко расхохоталась и побѣжала впередъ. Колеблется стройная фигурка, шуршитъ зеленое платье.

Боже мой, какъ она мнѣ дорога! Трудно даже представить себѣ, что еще

Къ дѣлу „Охтенской Богородицы“.

«Богородица» Дарья Смирнова (въ бѣломъ платкѣ) съ привереженцами ученія.

На-дняхъ въ Петербургѣ слушалось сенсационное дѣло крестьянки Дарьи Смирновой («охтенская богородица»), Дениса Шеметова («апостолъ Петъръ») и Петра Смирнова, сына Дарьи («царь Соломонъ»). Всѣ они обвинялись въ томъ, что «въ періодѣ времени 1900 по 1912 годъ завѣдомо должно выдавали себя: Дарья Смирнова за святую и божественную личность и увѣряла, что отъ нея исходитъ «всѧ благодать», и что увѣровавшимъ въ нее, какъ «живого Бога и бого-городицу», она дастъ спасеніе души и блаженство на землѣ, гдѣ она должна вскорѣ воцариться, и посредствомъ такихъ обманыхъ дѣйствій и увѣреній всѣ они совратили въ сектантство цѣлый рядъ православныхъ. Изувѣрное ученіе хлыстовского толка они соединили съ устройствомъ радѣній, на коихъ послѣдовавшія распространяемымъ Смирновымъ лжеученіямъ женщины въ обнаженномъ

видѣ предавались пляскамъ, скаканіямъ и верченію, приводившимъ ихъ въ состояніе экстаза, а мужчины подвергались особымъ испытаніямъ въ твердости вѣры, причемъ Смирнова въ нагомъ видѣ совершила съ ними любострастнаго дѣйствія». Даѣте, они обвинялись въ томъ, что, съ цѣлью полученія материальныхъ выгодъ, внушали, что Смирновой, какъ «божеству», слѣдуетъ дѣлать приношенія, которыя должны служить доказательствомъ вѣры въ нее. И, наконецъ, Дарья Смирнова, отдѣльно отъ другихъ, обвинялась въ томъ, что, съ цѣлью соблазна и распространенія хлыстовства, поносила святыни. Судъ приговорилъ Смирнову и Шеметова къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ на поселеніе, а Смирнова въ арестантскія отдѣленія на 8 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ особыхъ правъ.

— Я тоже.

Бродили въ рощѣ. Нашли совсѣмъ сухую полянку, залитую солнцемъ. Я разостлалъ свой плащъ и сѣлъ. Рядомъ сѣла Анеля. Согнула ноги колѣнками въверхъ и выдвинула впередъ свои крохотные башмачки.

— Давай поговоримъ.

— Давай,

— Ну...

— Ну?

— Скажи, Анеля, ты любишь меня?

— Какой ты хитрый! Ты начинай съ другой стороны.

Но вдругъ вспыхнула, потупилась.

— Ну скажи, моя милая.

— Люблю.

— И завтра будетъ такъ?

— И завтра.

— А ты любишь?

— Конечно. Въ этомъ теперь вся моя жизнь.

— Нѣтъ. Ты злой. Я никакъ не могу тебѣ повѣрить.

— Вотъ какъ! А ты попробуй не сердиться. Знаю, на что намекаешь. Зимой никакъ не могъ проѣхать. Работы была масса, а для тебя и работалъ. Клянусь, Анелинька.

— Я такъ тебя ждала...

К. Д. Бальмонтъ.

(Къ его лекціи въ Харьковѣ 25 марта).

на-дняхъ былъ городѣ, и не было этой чудесной дѣвушки.

— Куда же ты бѣжишь? Анеля!

— Ну!

— Я удивительно счастливъ!

Остановилась, взглянула серьезно, потомъ опустила головку въ свѣтлой шляпѣ и сказала:

— Прости.

Ничего не отвѣтила, пока-
чала головкой и протянула свое
любимое восклицаніе: „у у-у!“

Наклонился, поцѣловалъ ея
ручку.

— Ты пахнешь, Анеля, какъ
весенняя травка!

Быстро обнялъ.

— Оставь. Не прижимай
такъ. Я могу разбиться.

Но на поцѣлуи отвѣтила,—
тихо, тихо.

Разсмѣялась. Вскочила.

Шли домой.—болтали безъ
умолку. А о чёмъ, никакъ не
передашь.

Въ сумерки отправились
черезъ деревню въ лѣсъ.

На пуги бабы, мужики, пар-
ни, смѣялись, зубы скалили,
кажется; разыгралась сама
весна, раскрылось новое оча-
рованіе этихъ благоухающихъ
весеннихъ сумерокъ. Все сли-
валось въ одно цѣлое — и де-
ревня, и остутившій ее съ
трехъ сторонъ лѣсъ, и запахи
влажной весечной земли, за-
пахи лѣса, взрѣслые и дѣти
уличка и хатки.

Дѣти гомонили, бѣгали. Та-
кова ихъ дѣтская молитва.
У земли своя — весенне благо-
уханіе, у лѣса — трепетъ моло-
дыхъ хрупкихъ вѣточекъ.

Шелъ, и казалось мнѣ, что
вчерашия дня нѣтъ, а только
новый завтрашній день, — весь
свѣтлый, весь ясный.

Посмотрѣлъ на Анелью. Она
какъ тихая лилія, ее тоже
охватило странное настроеніе.
Смотрѣть нѣжно. Видно, хотѣтъ
что то сказать душа переполнена, но словъ не находить и спускаетъ низко голову, точно же аетъ ото всѣхъ
скрыть свое сияющее счастли-
вое лицо.

Пришли въ лѣсокъ, бродили
взадъ-впередъ, по знакомой
тропинкѣ, поглядывали другъ
на друга, — бѣзъ словъ. А всю-
ду уже воцарилась ночь,
сверкали звѣзды.

— Люблю, Анеля? Я скло-
нился къ ней бережно, береж-
но. Голосъ мой прозвучалъ
совсѣмъ тако.

— Люблю. Такъ же тихо.

Добавила, бѣся за руку,
точно испугалась чего то.

— Пойдемъ домой.. Нем-
ножко хлодо.

На тропинкѣ среди бѣлью-
щихъ бѣзовъ скользятъ тихія звѣзды.
ныя блестят.

Чѣмъ то сладко пахнетъ, и лѣсные
шорохи похожи на таинственную сказку.

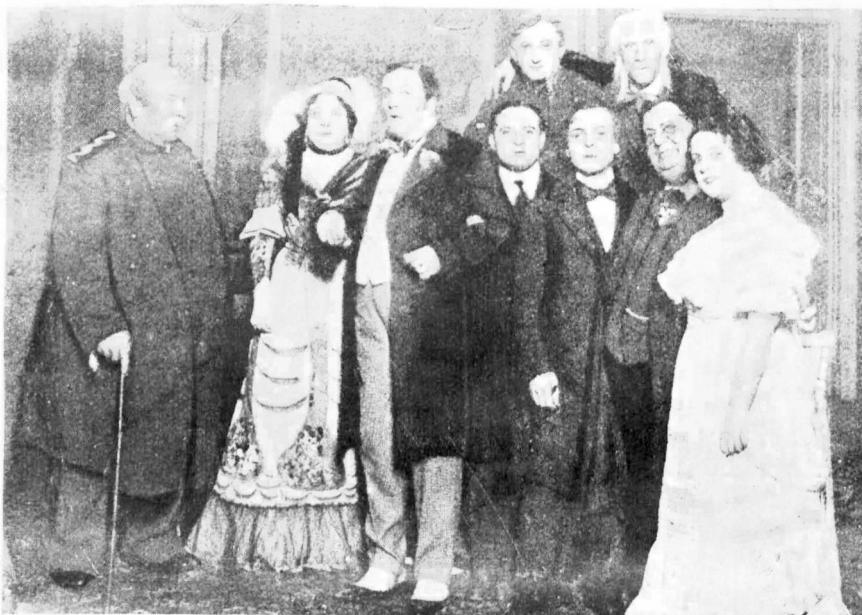
Анеля опирается на мою рукъ. Вижу
ея поблескивающіе глаза, бѣю линю-
ея фігурики, которая внизу таетъ во
мракѣ.

— Я часто гуляла здѣсь одна и ду-
мала о тебѣ.

— Мляя мся... Вѣдь, я тебя всегда
любилъ, всегда думалъ. Я ждалъ... Ты,
вѣдь, была такая дѣтка... Ничего не
понимала...

Кориѳеи русской сцены въ Харьковѣ

(Къ гастролямъ В. Н. Давыдова, К. А. Варламова, В. В. Стрѣльской и Ю. В. Корвинъ-Круковскаго).

«На всякаго мудреца довольно простоты».

Въ первомъ ряду: К. А. Варламовъ, С. Т. Строева-Сокольская, Ю. В. Корвинъ-Круковскій, импресарио Л. Д. Леонидовъ, С. Л. Кузнецова, В. Н. Давыдовъ, г-жа Линецкая; во второмъ ряду: г-г Данаровъ и Галицкій.

«Свадьба Кречинскаго».

К. А. Варламовъ, С. Л. Кузнецова, А. Б. Данаровъ, г-жа Линецкая,
Ю. В. Корвинъ-Круковскій, В. Н. Давыдовъ; впереди — В. В. Стрѣльская

— Часто дѣлалъ мнѣ больно.

— Анеля...

Я хотѣлъ сказать еще что то важное,
послѣд-ее, но встрѣтилъ глаза дѣвушки
и почувствовалъ, что никакихъ словъ не
нужно что все ясно, все чу-есно, и сказ-
ка превратилась въ дѣйствительность.

Мы сбнялись. Ея губы благоухали,
какъ этотъ весенний, зачарованный,
звѣздный лѣсъ.

— Золото мое, радость...

И вдругъ оба сорвались съ мѣста и
побѣжали къ усадьбѣ.

Федоръ Петровичъ еще изъ конторы

не вернулся. Первая встрѣти-
лась намъ Александровна.

Умная старуха, — улыбну-
лась намъ радостно, радостно.
Оба бросились къ ней.

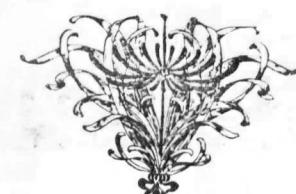
— Сорвачы, задушите!
Съ чаемъ васъ ждемъ. Пе-
ченѣя вамъ напекла. Идите
идите.

Ахъ, какъ свѣтло было въ
столовой!

— Хозяиничай, Анеля! До-
вольно баклушки бить.

— Такъ пусти руки.
Я даже не замѣтилъ, что
все цѣлую и цѣлую эти милые
пахнущія лѣсомъ, немногі-
о зябшія ручки.

Фениксъ

СМѢСЬ.

Мода и революція.

Послѣ установленія въ Ки-
таѣ республиканскаго стро-
въ южныхъ провинціяхъ мнѣ-
гія женщины стали носить осо-
быя прически подъ названіемъ
„революціонная“ (ге-минѣ-
ци). Этотъ обычай постѣ-
пенно дошелъ до сѣвера, въ послѣднее время въ Пе-
кинѣ появились самыя разно-
образныя прически, подчасъ
весьма причудливыя. Увлеченіе
новой модой приняло, нако-
нецъ, такіе размѣры, что по-
требовалось вмѣшательство
представителей „сильного по-
ла“. На днѣхъ, по словамъ
„Шунъ-тянь ши-бао“, къ ми-
нистру поступила петиція
необходимости издать приказъ
объ установлѣніи однообраз-
въ дамскомъ костюмѣ, вообще
и прически, въ частности. Въ
петиції указывалось также
необходимость запретить дам-
мамъ стричь волосы. Министръ
в угренникъ дѣлъ призналъ
однако, что на пути къ уде-
влетворенію просыбы о выре-
боткѣ въ административномъ
порядкѣ образчиковъ дамскаго
костюма и прически могутъ
встрѣтиться серьезныя затрудненія. Что
же касается запрещенія стричь волосы
то, по мнѣнию министра, привести въ
жизнь такую мѣру окажется возможнымъ?

